

**Хрущов-Сокольников Гавриил
Александрович**

Пугачев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г12

Г12 **Гавриил Александрович Х.**
Пугачев / Хрущов-Сокольников Гавриил Александрович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 366 с.

ISBN 978-5-521-29391-9

ISBN 978-5-521-29391-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

только Панинъ, душа заговора, былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ и долго не могъ простить новой императрицѣ измѣны слову.

Но какъ ни кратко временно было царствованіе императора Петра III, оно оставило неизгладимые слѣды въ русской жизни. Русское служилое дворянство, призванное императоромъ Петромъ Первымъ поголовно на службу, не могло оставлять ее, ни получать отставки иначе, какъ за старостью, или дѣйствительной болѣзью.

Такимъ образомъ, оторванные отъ своихъ вотчинъ, помѣщики обязательно жили по мѣстамъ ихъ служенія, и вотчины управлялись или бурмистрами, или въ крайнихъ случаяхъ старухами родственницами, и крестьяне, относительно, благоденствовали. Желая привлечь на свою сторону дворянство, изнуренное кровопролитной прусской войной, императоръ Петръ III издалъ знаменитый указъ „о вольности дворянства“, по которому каждый дворянинъ получалъ право просить абшида, т. е. отставки, и удалиться въ свою вотчину.

Понятно, какой переворотъ произвелъ этотъ новый законъ. Масса помѣщиковъ бросила свои полки, свои мѣста въ коллегіяхъ, и устремилась въ родовыя и пожалованныя вотчины. Помѣщики на дѣлѣ стали владѣтелями и господами своихъ крѣпостныхъ холоповъ, и дѣла о превышеніи помѣщичьей власти стали считаться сотнями. Стоны и плачъ пошелъ по всей землѣ.

Но въ Петербургѣ его не слыхали. Довольная и счастливая благополучнымъ окончаніемъ переворота, императрица щедро награждала своихъ вѣрныхъ помощниковъ, и десятки тысячъ крестьянъ, считавшихся „казенными“, были пожалованы и подарены участникамъ переворота.

Искони привыкшіе къ легкому оброку, къ почти полной свободѣ выборнаго управленія, подаренные крестьяне оказались лицомъ къ лицу съ деспотической помѣщичьей властью въ лицѣ или самого помѣщика, или присланнаго управителя, и ропотъ усиливался съ каждымъ днемъ.

Не мудрено, что въ средѣ недовольныхъ, униженныхъ и забитыхъ стали ходить всевозможные нелѣпыя слухи, что императоръ Петръ III не умеръ, что онъ живъ, но скрывается, что кромѣ грамоты о вольности дворянства была другая, о вольности крестьянства, да помѣщики ее украли, и такъ дальше, безъ конца. Эти слухи смущали, волновали народъ, и такъ уже обремененный непосильными поборами и чуть не ежегодными рекрутскими наборами.

Войны, хотя и побѣдоносныя, съ Турціей, съ Польскими конфедератами, со Шведами, сильно-таки подорвали народное благосостояніе; но въ Петербургѣ этого не видали; для украшенія новаго царствованія нужны были новыя лавры. Эти лавры добывались, но они стоили дорого!.. Объ этомъ не заботились, благо столько нетронутыхъ ресурсовъ было подъ руками, и рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы пушки не гремѣли съ Петропавловской крѣпости, торжествуя знатную „викторію“ на морѣ, или на сушѣ. Внутреннія дѣла, между тѣмъ, шли крайне плохо.

Въ судахъ царствовалъ грабежъ хуже, чѣмъ на большихъ дорогахъ. Учрежденные тогда капитанъ-исправники своими наѣздами на мирныя села наводили ужасъ хуже татарской орды, а халатность отношеній въ главнѣйшихъ центрахъ государственнаго управленія была такая, что когда императрица однажды заѣхала въ сенатъ и потребовала карту Россіи—ее не оказалось!..

Въ это тяжелое время, когда съ наружной, казовой стороны все казалось такъ свѣтло и блестяще, когда отечественные и иноземные поэты бряцали на лирахъ, восхваляя восходящее солнце правды и справедливости, и умилялись благосостояніемъ народа, „имѣющаго, по словамъ французскаго путешественника, лампу въ каждомъ домѣ и калачъ за обѣдомъ“, среди этого самаго народа царствовало крайнее возбужденіе и недовольство.

Никто не зналъ, кому вѣрить и чему вѣрить. Сегодня являлся указъ присягать Петру III, всѣ присягали; завтра присягать императрицѣ Екатеринѣ, присягали снова; этимъ пользовались цѣлыя организованныя шайки, эксплуатировавшія смутное положеніе. Въ фальшивыхъ костюмахъ, съ фальшивыми указами, ѣздили они изъ волости въ волость, объявляли указы, собирали подати, выдавали печатныя квитанціи и сотни манифестовъ, то отъ имени Петра III, то отъ имени Павла Петровича, и приказывали гнать и бить, если капитанъ-исправникъ явится требовать подати именемъ императрицы Екатерины.

Темный людъ вѣрилъ этимъ самозванцамъ и встрѣчалъ кольями законныя власти. Тѣ возвращались съ воинскими командирами, начиналась экзекуція; фальшивые указы отбирались, виновныхъ въ храненіи тащили по тюрьмамъ, били кнутомъ, рвали ноздри, ссылали на каторгу, по заводамъ, словомъ, шла такая сутолока, среди которой не только темному люду, но и историку теперь разобратъ трудно! Сознаніе полной безпомощности, озлобленіе противъ старшихъ и высшихъ, злоупотребляющихъ своимъ правомъ, деспотизмъ и порой неслыханное варварство помѣщиковъ, доводили до отчаянія, до изступленія забитый, безправный, темный людъ. Всѣ нервы много-милліоннаго народа были напряжены до безконечности. Масса горячаго матеріала скоплялась все больше и больше, день ото дня; достаточно было сверкнуть только одной искрѣ, появиться только одному человѣку, готовому взять на себя починъ борьбы противъ насилія, и пожаръ готовъ былъ вспыхнуть.

И эта искра вспыхнула... Такой человѣкъ нашелся. Въ то самое время, когда въ Петербургѣ, при пушечной пальбѣ, справляли торжество, по случаю совершеннолѣтія и бракосочетанія великаго князя Павла Петровича, въ народѣ началъ распространяться таинственный, но очень опредѣленный слухъ, что на рѣкѣ Якѣ, въ Яицкомъ городкѣ, объявился самъ „батюшка императоръ Петръ Федоровичъ“, собираетъ войско и идетъ въ Оренбургъ.

II.

Послѣдній самозванецъ.

Казанской губерніи и уѣзда, верстахъ въ двадцати отъ города, на самомъ берегу Волги, утопая въ зелени громаднаго, густого сада, высились хоромы генералъ-анъ-шефа князя Иллариона Ѳедоровича Шавельгиреева, при селѣ Большихъ Ключахъ.

Со времени „Грознаго Царя“, Шавельгиреевы, принявшіе раньше другихъ знатныхъ фамилій покореннаго Казанскаго царства подданство Москвы, были вѣрными слугами московскимъ царямъ и были жалованы ими „знатно и сугубо“. Двое изъ нихъ, Фроль и сынъ его Андрей, съ особымъ отличіемъ служили воеводами передоваго полку на рубежѣ, бороня Русь отъ Литвы и Польши. Сынъ князя Андрея Ѳедоръ въ юности былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей великихъ реформъ Петра Великаго, и считался первымъ кардиналомъ „всецѣпнѣйшаго собора“, что не избавляло его вельми часто испытывать крѣпость исторической дубинки, за строптивость характера и крутой нравъ.

Сына своего Иллариона онъ держалъ въ такихъ ежовыхъ рукавицахъ, что тотъ до тридцатилѣтняго возраста не смѣлъ передъ отцомъ ни сѣсть, ни высказать своего мнѣнія, и умеръ внезапно, ударомъ, не смогши перенести оскорбленій, нанесенныхъ ему временщикомъ Меншиковымъ, ставшимъ при Екатеринѣ I безконтрольнымъ властителемъ русской земли.

Сынъ его, герой нашего романа, Илларионъ, наслѣдовавшій отъ отца крутой и бѣшеный нравъ, сдерживаемый порой недюжиннымъ умомъ, и боясь отцовскаго гнѣва, поклялся отомстить временщику. Но событія шли такъ быстро, что не успѣлъ онъ еще составить плана мести, какъ временщикъ былъ свергнутъ и отправленъ кончать остатокъ дней въ Березовъ.

При Аннѣ Іоанновнѣ молодой человекъ карьеры себѣ не сдѣлалъ, но тоже чуть не угодилъ въ ссылку по дѣлу Волинскаго, Хрущова и Еропкина. Спасенный чуть не чудомъ, онъ вновь поклялся мстью всѣмъ нѣмцамъ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы на поляхъ Гросъ-Эгерсдорфа и Куненсдорфа такую проявилъ отчаянность и воинскую фурію, какъ было сказано въ донесеніи, что не мало способствовалъ къ одержанію полной викторіи. За эти отличія онъ былъ пожалованъ кавалеромъ „балакитной ленты“, т. е. Андреемъ Первозваннымъ, и получилъ чинъ генералъ-анъ-шефа.

Воцареніе императора Петра III и миръ съ Пруссіей, по которому русскія войска поступали въ распоряженіе Фридриха II, застали князя Иллариона Ѳедоровича еще въ Пруссіи. Пользуясь только-что объявленнымъ указомъ „о вольности дворянства“.

онъ взялъ „ябшидь“ и выѣхалъ обратно въ Россію. Очень дурно принятый при дворѣ, гдѣ всеильно царили гольштинцы, князь немедленно уѣхалъ въ свою казанскую вотчину. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вызванный оттуда собственноручнымъ письмомъ новой императрицы, онъ снова появился при дворѣ, но строптивый характеръ снова чуть не погубилъ его. Гордый древностью рода, заслугами отца и собственными подвигами, онъ не могъ снести надменнаго обращенія всеильнаго фаворита этого времени, Григорія Орлова, не могъ переварить тѣхъ порядковъ, которые водворялись при дворѣ, не могъ одобрить безмѣрной, безсчетной раздачи казенныхъ крестьянъ цѣлыми десятками тысячъ разнымъ восходящимъ свѣтиламъ и, что хуже всего, имѣлъ дерзость это высказать... Ему очень деликатно замѣтили, что теперь время рабочее, что надзоръ за громаднымъ хозяйствомъ, вѣроятно, требуетъ его присутствія въ деревнѣ; князь понялъ намекъ, и на третьи же сутки выѣхалъ изъ Петербурга со всѣмъ семействомъ. Это случилось въ 1765 году, и вотъ уже 7 лѣтъ онъ никуда не выѣзжалъ изъ своей вотчины. Съ годами характеръ стараго князя ничуть не смягчился, но въ возрѣніяхъ стало преобладать чувство ненависти и нетерпимости ко всему, что только носило характеръ фаворитизма, карьеризма... Старшему сыну своему Александру, служившему капраломъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, онъ приказалъ выйти въ отставку и ѣхать въ деревню, и только убѣжденія и слезы жены, кроткой и святой женщины, нѣсколько перемѣнили рѣшеніе старика. Онъ дозволилъ сыну оставаться на службѣ, но только въ арміи, и отправилъ его съ собственноручнымъ письмомъ къ фельдмаршалу Румянцеву, своему близкому пріятелю и товарищу по семилѣтней войнѣ. Только два раза въ эти восемь лѣтъ пріѣзжалъ молодой князь въ имѣніе отца, однажды послѣ знаменитаго сраженія при Кагулѣ, какъ легко раненый, и затѣмъ во время фокманскаго конгресса.

Князь Александръ Илларионовичъ былъ воплощеннымъ двойникомъ отца; рѣзкій, неуживчивый, но безумно храбрый и энергичный, онъ тоже, какъ и его отецъ, не могъ выносить надъ собой ничьей воли, и потому не мудрено, что пребыванія его въ имѣніи отца были не часты и не продолжительны. Два волка, какъ онъ выражался, не могутъ ужиться въ одной норѣ. У князя Иллариона Ѳедоровича былъ еще сынъ Ѳедоръ, но никто бы не могъ подмѣтить въ его характерѣ, привычкахъ, манерѣ держать себя, какое либо сходство съ отцомъ, или братомъ. Это былъ живой портретъ матери, кроткій, тихій, готовый на всякія уступки, чтобы только не видѣть около себя недовольнаго лица. Не такова была сестра ихъ, княжна Прасковья Илларионовна. Смѣлая, предприимчивая, хитрая и скрытная, она тайла, подъ маской напускной сдержанности, характеръ отца и старшаго брата; но у нея не было ни гордаго благородства отца, ни открытой, безшабашной удалы брата Александра.

Вынужденная жить безвыѣдно въ деревнѣ, она горѣла же-

ланиемъ выбраться изъ этой глуши. Ее манила столица, она знавала силу своей красоты и ума, и слѣпо вѣрила, что оумѣетъ занять высокое мѣсто въ томъ обществѣ, которое такъ презиралъ отецъ, и которое такъ манило ея молодую фантазію. Прасковья Илларионовна не была зла отъ природы, но недостатокъ женской мягкости, огромная доля эгоизма, сильно развившаяся въ деревенской глуши, дѣлали ее особой далеко не привлекательной для тѣхъ жениховъ, которые искали въ невѣстѣ залогъ мира въ семьѣ. Да она и не нуждалась въ провинціальныхъ женихахъ, она вѣрила, слѣпо вѣрила, что она создана блистать въ обществѣ, и все ждала, если не какого либо принца, то хоть гвардейца, который явится къ нимъ и увезетъ ее въ столицу.

Былъ еще одинъ членъ семьи князей Шавельгиреевыхъ, это старшій братъ князя Иллариона, Дмитрій, уже сорокъ лѣтъ постригшійся въ монахи и названный при постриженіи Діомидомъ. Оставивъ меньшому брату свою часть состоянія, онъ рѣдко, очень рѣдко являлся къ нему, и то на день, на два. Но, странное дѣло, всякій разъ, послѣ его появленія, въ государствѣ совершалось какое либо необычайное событіе, и еще болѣе страннымъ представлялось то, что въ интимномъ разговорѣ съ братомъ, старый монахъ именно касался возможности этого событія. Было-ли это случайностью, прозорливостью, выработанной долгимъ житиемъ опытомъ, но князь Илларионъ Ѳедоровичъ началъ вѣрить своему брату, какъ оракулу и съ нѣкоторымъ трепетомъ ожидалъ его визита.

Но проходили годы за годами, а прозорливый старецъ не являлся, и даже не давалъ о себѣ вѣсти, и вдругъ неожиданнымъ-негаданнымъ, являлся къ брату, пробывалъ день-другой, и снова исчезалъ надолго.

Гдѣ онъ жилъ, въ какомъ монастырѣ спасалъ свою душу, не зналъ никто: онъ приходилъ пѣшкомъ, и уходилъ также. Какъ ни умоляла его семья побережъ свои силы, все напрасно; въ назначенный день и часъ онъ бралъ свой посохъ, молился передъ иконою, цѣловалъ брата и всѣхъ домашнихъ, и какова бы ни была погода, уходилъ, не взявъ съ собой ни денегъ, ни запаса пищи. Уже четыре года не появлялся онъ въ усадьбѣ младшаго брата; и всѣ старанія князя Иллариона разузнать что либо о немъ, не привели ровно ни къ чему; дознано только, что онъ ушелъ куда-то къ Оренбургу, а куда именно—неизвѣстно.

Стоялъ тихій, ясный сентябрскій вечеръ. На роскошной террасѣ княжескаго дома былъ сервированъ чай на шесть персонъ. Князь Илларионъ Ѳедоровичъ съ семействомъ еще не выходилъ изъ апартаментовъ, и барская барыня Феклуша хлопотала вмѣстѣ съ дворецкимъ Дементьичемъ и двумя лакеями въ казакѣнахъ надъ уборомъ чайнаго стола, накрытаго по распоряженію князя, на террасѣ.

Вчера утромъ изъ Петербурга пріѣхалъ къ нему, съ письмомъ отъ графа Панина, воспитателя цесаревича Павла Петровича,

молодой гвардейскій офицеръ, графъ Николай Ильичъ Межеумовъ, посланный оффициально, для передачи казанскому губернатору Брандту, Высочайшаго рескрипта и ордена, а не оффициально, чтобы разузнать образъ мыслей стараго князя Иллариона, и вывѣдать тѣ условія, на которыхъ можно разсчитывать снова привлечь его на службу. Императрица очень уважала и цѣнила умъ и рѣдкую честность князя, и хотя должна была пожертвовать имъ ради Орлова, но теперь, когда значеніе Орлова умалилось, была бы очень рада снова видѣть около себя нелицепріятнаго, опытнаго и честнаго князя Иллариона. Отправляя съ такимъ щекотливымъ порученіемъ молодого Межеумова, она была съ нимъ чрезвычайно милостива и будто вскользь замѣтила:

— У князя Иллариона Ѳедоровича есть, кажется, дочь на возрастѣ,—я помню ее еще ребенкомъ, она и тогда обѣщала быть красавицей.

Графъ буквально понялъ намекъ, и по дорогѣ все строилъ планы, какъ бы, устроивъ дѣло, заслужить благодарность государыни и вмѣстѣ съ тѣмъ получить выгоду и самому. Графъ Николай Ильичъ былъ въ долгу, какъ въ шелку, и только и мечталъ поправить обстоятельства богатой женитьбой.

Встрѣченный чрезвычайно радушно всей семьей, и даже старымъ княземъ, на котораго хорошо подѣйствовалъ дружескій, безъ афектаціи, тонъ письма такого крупнаго человѣка какъ Панинъ, Николай Ильичъ въ первый же день произвелъ, какъ онъ мысленно выражался, „рекогносцировку фортеціи“, и сразу замѣтилъ, что она, т. е. фортеція, въ лицѣ княжны Параскевы, брачнымъ намѣреніемъ сопротивленія не окажетъ; что же касается старика—отца, то судя по первому впечатлѣнію, онъ казался болѣе ручнымъ, чѣмъ объ этомъ ему наговорили въ Петербургѣ.

За обѣдомъ онъ рискнулъ сказать нѣсколько комплиментовъ молодой княжнѣ и послѣ обѣда все семейство отправилось гулять на берегъ Волги, куда отъ самой усадьбы внизъ по обрывистому берегу вела широкая, деревянная лѣстница.

На берегу ихъ ожидалъ прекрасный катеръ съ двѣнадцатью гребцами, одѣтыми въ форменное матросское платье. Старый князь любилъ Волгу, любилъ въ хорошіе лѣтніе дни сдѣлать прогулку въ нѣсколько верстъ вдоль по зеркальной поверхности этой царственной рѣки, а въ настоящее время повезъ столичнаго гостя кататься. Бysto неслась лодка, подгоняемая дюжинами сильныхъ рукъ, внизъ по рѣкѣ, гребцы затянули старинную волжскую пѣсню; искренно или притворно, но графъ восхищался этой деревенской идилліей, и самъ не сводилъ глазъ съ красавицы княжны. Вдругъ ему показалось, что она вздрогнула и отвернулась. Взглянувъ по тому же направленію, онъ увидалъ небольшую выдолбленную въ цѣломъ пнѣ лодку, которая подъ могучимъ напоромъ весла своего единственнаго пассажира довольно быстро подымалась по рѣкѣ. Гребецъ былъ молодъ, высокъ ростомъ и очень красивъ собою. Костюмъ его ничѣмъ не отличался отъ костюмовъ зажи-

точныхъ крестьянъ Казанской губерніи, только войлочная шляпа, которую онъ снялъ, равняясь съ лодкой князя, была украшена двумя павлиньими перьями.

Въ лодкѣ у него лежало ружье, а въ ягташѣ, небрежно брошенномъ на дно лодки, виднѣлась дичь. Небольшая лягавая собака сидѣла на носу лодки, уставивъ свои большіе умные глаза на хозяина. На низкій поклонъ одинокаго гребца, князь отвѣчалъ привѣтливымъ кивкомъ, а молодой офицеръ приложилъ къ глазамъ большой лорнетъ, въ черепаховой оправѣ и свысока, съ пренебрежительной улыбкой оглянулъ его красивую фигуру.

— Что, съ полемъ, что-ли?—спросилъ у охотника князь, когда лодки поравнялись.—Пять парь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ охотникъ съ поклономъ:—больше бы набилъ, патроновъ не хватило.

Но князь уже не слушалъ отвѣта охотника; повернувшись къ гостю, онъ указывалъ ему на прихотливыя очертанія гористыхъ береговъ, на громодные камни, свалившіеся съ кручей берега.

— Не правда ли, графъ, Швейцарія! Казанская Швейцарія!—шутливо проговорилъ онъ.

— И даже Вильгельмъ-Телль въ лодкѣ, съ оружіемъ и дичью, чтобы дополнить сходство!—улыбаясь, отвѣтилъ молодой офицеръ.—Клянусь, я рѣдко видалъ мужчину красивѣе этого охотника егера...

— Мишки Герасимова! Моего лейбъ-егермейстера, изъ крѣпостныхъ!.. Такъ и скажи своему фавориту,—обратился князь совсѣмъ весело къ сыну Ѳедору Илларионовичу, сидѣвшему на руль:—такъ и скажи, что столичный человѣкъ, сіятельный графъ, величаетъ его красавцемъ!.. Пусть повеличается!..

— Онъ и безъ того слишкомъ загордился въ послѣднее время!—замѣтила не безъ ехидства княжна Прасковья Илларионовна.—Совсѣмъ на крѣпостного и не похожъ.

— Да онъ и не крѣпостной! Его отецъ былъ вольный казакъ и только мать...—началъ было въ отвѣтъ молодой князь, но отецъ не далъ ему кончить.

— Молчи!—рѣзко крикнулъ онъ на сына.—Смерть не люблю, когда ты споришь съ сестрой, она и умнѣй, и старше тебя!

— Ты говоришь, Параня, что онъ зазнается?.. Это что? Расскажи, расскажи, это любопытно...

— Можетъ быть для насъ, но не для нашего милаго гостя,—съ любезной улыбкой отвѣчала молодая княжна и взглянула на красиваго гвардейца.

— Что правда, то правда, домашнія дѣла сумѣемъ дома разсудить... Король ты у меня! Ѳедоръ! держи ближе къ берегу; здѣсь есть пещера, нѣчто вродѣ грота и около родникъ ключевой воды,—обратился князь къ гостю,—вотъ тутъ сейчасъ, за этимъ боскетомъ!

Въ это время лодка, подгоняемая дружными усиліями гребцовъ, быстро огибала выдающійся лѣсъ, заросшій цѣлой кучей курчавыхъ берегъ.

Въ углубленіи небольшой бухточки, открывшейся за нимъ въ темносизыхъ массахъ песчанника, окаймлявшихъ берегъ, виднѣлась, словно обрамленная блестящею зеленью мелкихъ кустовъ, глубокая темная пещера. Дно ея было ниже уровня рѣки, воды которой свободно плескали подъ ея темными сводами.

— Il grotto azuro!—воскликнулъ молодой гвардеецъ.— Голубой гротъ! Точно на островъ Капри!

Но князь не слыхалъ его восклицанія, взоръ его былъ прикованъ къ совершенно иному предмету.

Недалеко отъ пещеры, на берегу журчащаго ручейка, маленькимъ водопадомъ низвергавшагося въ Волгу, стоялъ, опершись на длинный черный посохъ, человекъ въ монашеской ряскѣ и черномъ клобукѣ. Князь тотчасъ узналъ его: это былъ его братъ, бывшій князь Дмитрій, а теперь смиренный инокъ Діомидъ.

III.

Крѣпостной казакъ.

Велика была радость стараго князя Иллариона, когда онъ въ одинокомъ путникѣ узналъ своего глубоко любимаго брата. Разумѣется, лодка была мигомъ причалена, и свиданіе братьевъ вышло самое радостное, самое душевное. Князь Ѳеодоръ Илларионовичъ тоже отъ души радовался свиданію съ старикомъ дядей, и только у княжны въ первую минуту на лицѣ появилось недовольное выраженіе, тотчасъ же смѣненное ласковой, хотя отчасти и аффектированной улыбкой. Пріѣздъ дяди нѣсколько разстроилъ ея планы. Ей во что-бы то ни стало хотѣлось, чтобы отецъ согласился на возвращеніе въ Петербургъ, а она хорошо знала, что дядя былъ самымъ ярымъ ненавистникомъ всего, на чемъ лежала печать фаворитизма или обособленности.

Быстро летѣла лодка обратно, подгоняемая быстрымъ теченіемъ и сильными гребцами, но во всю дорогу князь не промолвилъ ни слова съ молодымъ гостемъ, а все время проговорилъ съ братомъ инокомъ, который на этотъ разъ казался гораздо встревоженнѣе, гораздо безпокойнѣе, чѣмъ въ предыдущія посѣщенія.

Разговоръ при всѣхъ не клеился, молодые люди тоже, словно по уговору, молчали, и только плескъ волнъ нарушалъ чудную тишину тихаго осенняго вечера.

Наконецъ, лодка пристала къ берегу, и все общество направилось къ дому. Графъ Межеумовъ, какъ вѣжливый кавалеръ, предложилъ свою руку княжнѣ, и ему показалось, что она дорогой опиралась на нее гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде.

Это дало ему смѣлость предполагать, что ухаживаніе его принимается благосклонно, и онъ послѣ вечерняго чая, когда старшій князь съ братомъ ушелъ и затворился въ своемъ кабинетѣ, еще

долго сидѣлъ на террасѣ съ молодой княжной, и въ довольно опредѣлительныхъ, но деликатныхъ формахъ намекнулъ ей о своей любви. Княжна отвѣчала уклончиво, но изъ ея отвѣтовъ можно было заключить, что она не прочь разыграть съ нимъ вѣчно юную комедію „любви на законныхъ основаніяхъ“, и молодой человѣкъ вполне былъ доволенъ. Закончивъ свое изъясненіе блестящимъ монологомъ, который приготовилъ и выучилъ заранее, онъ схватилъ руку княжны и, прижавъ ее къ губамъ, сталъ требовать рѣшительнаго отвѣта.

Княжна встала и хотѣла отвѣтить стереотипной фразой „спросите у родителя“, но вдругъ отдернула руку и отшатнулась отъ князя. Въ ея глазахъ сверкнулъ испугъ и гнѣвъ. Молодой человѣкъ оглянулся и увидалъ на дорожкѣ передъ балкономъ человека, который медленно, съ ружьемъ за плечами, шелъ мимо дома.

Въ этомъ ночномъ посѣтителѣ онъ узналъ охотника, встреченнаго на Волгѣ.

— Михайло! зачѣмъ ты таскаешься по ночамъ черезъ садъ!— рѣзко, съ досадой въ голосъ крикнула княжна.

— По княжескому приказу дозоромъ ходилъ. Шалать, говорить, по округѣ.

— Можешь ходить подальше... только пугаешь!..

Охотникъ ничего не отвѣчалъ, но повернулъ между кустовъ и скрылся во мракѣ ночи. Съ уходомъ Михайлы, хотя княжна и сѣла на прежнее мѣсто, но прежній разговоръ не клеился, а тутъ пришелъ братъ Ѳеодоръ, и сталъ рассказывать, какихъ удивительныхъ турмановъ—голубей ему прислали, прямо изъ Тулы.

Обойдя кустами громадный княжескій домъ дворецъ, молодой человѣкъ, прервавшій интимную бесѣду молодыхъ людей, сошелъ на берегъ Волги и въ глубокомъ раздумьи легъ на прибрежный песокъ.

Вѣрный песъ его Трезорка помѣстился рядомъ, положивъ свою голову на ноги хозяина.

Было о чемъ и подумать молодому человѣку. Онъ былъ сынъ вольнаго казака Герасима Шагина, отъ крѣпостной матери, принадлежавшей князю Шавельгирееву; отецъ его, смертельно раненный подъ Куненсдорфомъ, рядомъ со своимъ патрономъ княземъ Иллариономъ Ѳеодоровичемъ, успѣлъ прошептать ему только нѣсколько словъ передъ смертью, прося не оставить сына Михайлу, жившаго при матери, въ Казанской вотчинѣ князя. Князь обѣщалъ исполнить волю своего любимца, но во время пертурбаціи придворной и столичной жизни забылъ про обѣщаніе, между тѣмъ подошла ревизія, и управитель Казанскаго имѣнія счелъ нужнымъ приписать молодого Михайлу съ матерью крѣпостными, при дворѣ. Когда же князь поселился въ своей вотчинѣ, никто, зная его грозный нравъ, не смѣлъ и напоминать о такой несправедливости, боясь попасть подъ варыжъ безобразнаго гнѣва. Только одинъ князь Ѳеодоръ Илларионовичъ нѣсколько разъ

вступался за своего любимца, но всякій разъ отецъ обрывалъ его на полъ-словъ. Старикъ хорошо сознавалъ, что онъ неправъ передъ Михайлой, но одна только мысль сознаться въ своей ошибкѣ грызла его, и онъ никакъ не могъ рѣшиться сознать свою вину.

Но это обстоятельство было для Михайлы полъ-бѣды: всѣ крѣпостные князя Шавельгиреева жили богаче и привольнѣе вольныхъ людей, мыкавшихся по Волгѣ, а большая бѣда заключалась въ томъ, что смѣлъ онъ, ничтожный рабъ, поднять свой взоръ на красавицу княжну Прасковью Илларионовну, и даже одно время думать о взаимности! Пылкая и страстная ко всѣмъ утѣхамъ жизни, княжна, одно время, пристрастилась къ псовой охотѣ, которую держалъ братъ, и нерѣдко выѣзжала въ поле осмотрѣть на травлю. Постояннымъ ея спутникомъ въ этихъ экскурсіяхъ былъ Михайло, столько же ловкій наѣздникъ, какъ и искусный стрѣлокъ, и, несмотря на различіе положеній, молодые люди замѣтно стали сближаться. Михайло, несмотря на то, что онъ былъ записанъ крѣпостнымъ, получилъ довольно хорошее для того времени образованіе, т. е. твердо зналъ русскую грамоту, проучившись нѣсколько лѣтъ у мѣстнаго священника отца Ильи, принявшаго въ немъ живое участіе. Въ убійственной скукѣ и монотонности замкнутой деревенской жизни, сколько-нибудь образованный человѣкъ—находка, а Михайло прочиталъ почти все, что только было издано въ то время по-русски, отъ одъ и виршей Ломоносова до знаменитыхъ сатиръ Кантемира, и самъ порою старался писать что-то, похожее на риёмованную прозу.

Мало-по-малу, сама того не ожидая, молодая дѣвушка настолько сблизилась съ молодымъ человѣкомъ, что дѣло чуть не зашло слишкомъ далеко... Но въ самую послѣднюю минуту гордость взяла свое;—княжна вырвалась изъ объятій холопа и наградила слишкомъ предприимчиваго красавца пощечиной.

Съ этого дня настали для Михайлы годы мученій, годы безпощадной страсти, годы мучительной ревности! Онъ не столько любилъ, сколько ненавидѣлъ свою мучительницу, старавшуюся всячески теперь унижать его и подводить подъ гнѣвъ князя. Жизнь въ княжеской усадьбѣ становилась ему невыносимой, а онъ не находилъ въ себѣ силы вырваться и бѣжать искушеній.

Такъ и теперь: онъ догадывался, онъ понималъ за чѣмъ пріѣхалъ изъ Петербурга этотъ молодой гвардеецъ, такъ презрительно разсматривавшій его сквозь лорнетку. Онъ слышалъ даже отчасти разговоръ молодыхъ людей между собою, и жестокая, страшная мысль стала черной точкой зарождаться въ его головѣ...

— Убить... бѣжать... на Донъ... на Яикъ, въ Новороссію!—шепталъ ему какой-то внутренній голосъ... Но снова приниженность раба брала свое, и онъ готовъ былъ снова испытывать всѣ мученія, всѣ униженія, чтобы только хотъ издали любоваться красавицей, къ которой неслись теперь всѣ его помыслы. А въ